

дательной инициативы с целью создания благоприятных условий для проведения программ восстановительного правосудия.

6. Изучение специалистами Центра, юристами, работающими в учебных и научных заведениях, работниками прокуратуры, суда, милиции европейского опыта и документов Совета Европы и ООН, рекомендующих проведение программ восстановительного правосудия.

Таким образом, в системе традиционного судопроизводства уже произошли существенные сдвиги, игнорировать которые нельзя. Данная статья является приглашением к диалогу всех желающих понять современные тенденции развития системы уголовной юстиции.

Примечания

¹ Цит. по: Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа: учебное пособие / под ред. Л.М. Карнозовой. – М., 2001. – С. 72.

² См. текст Резолюции на сайте http://www.commonground.org.ua/basic_principles.html

*С.В. Юношев**

ТРЕБОВАНИЕ «РАЗУМНОГО СРОКА» РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ДЕЛА В ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В соответствии со ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью российской правовой системы. Более того, общепризнанные принципы и нормы международного права, содержащиеся в ратифицированных Россией международных договорах, имеют преимущество перед внутригосударственными законами.

С 5 мая 1998 года Конвенция о защите прав человека и основных свобод¹ вступила в силу на территории Российской Федерации и на ос-

* © Юношев С.В., 2007

Юношев Станислав Викторович – канд. юрид. наук, доцент, Самарский государственный университет

новании ч. 4 ст. 15 Конституции России стала составной частью правовой системы нашего государства.

Согласно ст. 32 Европейской Конвенции Европейский Суд по правам человека имеет право решать все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней. Поэтому правовые позиции Европейского Суда, излагаемые им в решениях при толковании положений Конвенции и Протоколов к ней, и сами прецеденты Европейского Суда признаются Российской Федерацией как имеющие обязательный характер². Как подчеркнул в этой связи Верховный Суд РФ, «Российская Федерация, как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод, признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов... Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод»³.

Все это определяет то значение, какое имеют правовые позиции, выработанные Европейским Судом, и собственно прецеденты Суда для российской правовой системы, а также для профессиональных ее участников, в том числе адвокатов при их обращении с жалобой на нарушение прав доверителей следственными и судебными органами Российской Федерации. Существенная сложность здесь состоит в том, что Европейский Суд работает в области прецедентного права, к чему российские юристы зачастую оказываются не готовы. Для правильного понимания содержания той или иной статьи Европейской Конвенции, как минимум, обязательно обращение к огромному массиву так называемых классических (универсальных) решений Европейского Суда, имеющих прецедентный характер. Буквальное же толкование норм Конвенции без обращения к таким решениям способно привести к неправильному их пониманию и, как следствие, к неблагоприятному результату рассмотрения Судом той или иной жалобы.

Среди множества положений Европейской Конвенции весьма важное место занимают нормы ст. 6, гарантирующей каждому человеку право на справедливое судебное разбирательство независимым, беспристрастным судом, созданным на основании закона. Необходимо отметить, что данная статья развивает и дополняет такие общепризнанные нормы международного права, как ст. 8 и 10 Всеобщей декларации прав челове-

ка от 10 декабря 1948 года⁴ и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года⁵.

Данная норма совершенно очевидно занимает особое место в системе всех иных норм Европейской Конвенции, поскольку устанавливает гарантии для надлежащего функционирования судебной защиты как наиболее надежного и справедливого механизма защиты прав и свобод. Сам Европейский Суд многократно подчеркивал то значение, которое имеет данная норма. Так, например, Суд счел, что в связи с «важным местом», которое занимает в демократическом обществе право на справедливое судебное разбирательство, ограничительное толкование п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции не отвечало бы цели и предмету выраженного в нем положения (см. решение по делу Делькур против Бельгии от 17 января 1970 года, § 25). Кроме того, Суд постоянно напоминает, что ст. 6 занимает в Европейской Конвенции «центральное место» и «закрепляет основополагающий принцип верховенства права» (см., например, решение по делу Sunday Times от 26 апреля 1979 года).

Нельзя также не отметить, что подавляющее число жалоб, поступающих в Европейский Суд, связано как раз с нарушением ст. 6 Конвенции, что совершенно очевидно объясняется тем обстоятельством, что жалобы на нарушение других гарантированных Европейской Конвенцией прав и свобод, как правило, возникают именно потому, что задействованный по конкретному делу национальный механизм правосудия не отвечал требованиям справедливости или не доказал своей эффективности. Сказанное в полной мере относится и к жалобам против Российской Федерации.

Итак, в соответствии с п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции «каждый имеет право... при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

Как можно видеть из данного пункта рассматриваемой статьи, право на справедливое судебное разбирательство включает в себя множество отдельных, самостоятельных прав и обеспечивающих их реализацию гарантий, каждое из которых выступает составной частью реализации этого общего права. В силу ограниченного объема из всех перечисленных в ст. 6 Конвенции прав остановимся лишь на требовании о разумности срока судебного разбирательства. Выбор именно этого аспекта права на справедливое судебное разбирательства объясняется, прежде всего, его актуальностью для российской системы уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, подтверждается тем обстоятельством, что по всем

без исключения окончательным решениям Европейского Суда, констатирующим нарушение Россией положений ст. 6 Европейской Конвенции применительно к сфере уголовного судопроизводства, речь обязательно идет, помимо прочего, и о нарушении требования разумности срока продолжительности производства по делу (см., например, постановления по делу Калашников против России от 15 июля 2002 года, по делу Смирновы против России от 24 июля 2003 года, по делу Кляхин против России от 30 ноября 2004 года).

Как постоянно напоминает Европейский Суд, целью установленной гарантии «разумности срока» судебного разбирательства является защита «всех участников судебного разбирательства от чрезмерного затягивания судебной процедуры» (см. решение по делу Стогмюллер против Австрии от 10 ноября 1969 года, § 5). Более того, по мнению Суда, указанная гарантия «подчеркивает важность того, чтобы правосудие осуществлялось без задержек, могущих подорвать его эффективность и доверие к нему» (см. решение по делу Х. против Франции от 24 октября 1989 года, § 58). Таким образом, значение рассматриваемого требования состоит в том, чтобы гарантировать вынесение судебного решения в течение разумного срока, устанавливая тем самым предел состоянию неопределенности, в котором находится то или иное лицо по причине предъявленного ему уголовного обвинения, что является важным как для самого заинтересованного лица, так и с точки зрения принципа «правовой определенности», которому Европейский Суд придает огромное значение (см., например, постановление Большой Палаты по делу Брумареску против Румынии от 28 октября 1999 года; постановление по делу Рябых против Российской Федерации от 24 июля 2003 года, постановление по делу «Совтрансавто холдинг» против Украины от 25 июля 2002 года и др.).

Как следует из прецедентной практики Европейского Суда, отсчет времени по уголовным делам начинается с момента предъявления лицу первого «обвинения в самостоятельном и существенном значении данного термина» (см. решения по делу Девеер против Бельгии от 27 февраля 1980 года, § 42; по делу Скопеллити против Италии от 23 ноября 1993 года, § 18; по делу Калашников против Российской Федерации от 15 июля 2002 года, § 124). Отсчет времени прекращается, как только завершается разбирательство в суде самой высшей инстанции, то есть когда выносится окончательное решение по делу (см. решения по делу Б. против Австрии от 28 марта 1990 года, § 48 и Скопеллити против Италии от 23 ноября 1993 года, § 18).

В связи с обозначенным здесь начальным моментом течения срока разбирательства по делу необходимо выявить то содержание, которое вкладывает Европейский Суд по правам человека в понятие «уголовное обвинение в самостоятельном и существенном значении данного термина».

Применительно к положениям Европейской Конвенции понятие «обвинение» применяется Европейским Судом независимо от содержания, вкладываемого в это понятие национальным правом. Конечно, законодательство государства — ответчика по данному вопросу в той или иной степени учитывается Судом, но только в качестве «отправного пункта».

Классическим (универсальным) прецедентом Европейского Суда в этой связи признается решение по делу Девеер против Бельгии от 27 февраля 1980 года, в котором Суд сделал выбор в пользу материального (содержательного), а не формального определения данного понятия. Как признал Европейский Суд, чтобы установить, было ли предъявлено обвинение, он должен «рассматривать не только видимые обстоятельства, но и вникать в реалии разбираемого дела». Суд постановил, что понятие «обвинение» применительно к целям Европейской Конвенции может быть определено как «официальное уведомление лица компетентным органом государственной власти о наличии предположения о том, что этим лицом совершено уголовно наказуемое правонарушение, что сказалось существенным образом на положении этого лица» (см. решение по делу Девеер против Бельгии от 27 февраля 1980 года, § 42, 44 и 46).

Кроме того, в решениях по целому ряду других дел Суд выработал дополнительные критерии, определяющие сферу применения понятия «уголовное обвинение» с его содержательной, а не формальной стороны. К таковым относятся: 1) выдача ордера на арест того или иного лица (см. решение по делу Вемхоф против ФРГ от 27 июня 1968 года); 2) официальное уведомление лица о том, что против него возбуждено уголовное дело (см. решение Ноймастер против Австрии от 27 июня 1986 года); 3) требование властей, проводящих расследование, чтобы лицо представило вещественные доказательства, при одновременном блокировании его банковских счетов (см. решение Функе против Франции от 25 февраля 1993 года); 4) обращение обвиняемого за юридической помощью к адвокату после того, как против него было возбуждено уголовное дело прокурором (см. решение Ангелуччи против Италии от 19 февраля 1991 года).

Таким образом, можно сделать вывод, что под обвиняемым (подозреваемым) Европейский Суд понимает не только тех лиц, которым фор-

мально предъявлено обвинение или которые формально признаются обвиняемыми или подозреваемыми, но и всех тех лиц, в отношении которых предпринимаются какие-либо действия, подразумевающие такое подозрение, и которые могут серьезно повлиять на положение подозреваемого. К таковым, в частности, Суд относит не только выдачу ордера на арест, но и, например, обыск жилого помещения или личный обыск.

Прецедентное право Европейского Суда определило тот минимальный перечень факторов, которые Суд учитывает при оценке того, отвечает ли продолжительность времени разбирательства по делу критерию «разумного срока». Это: 1) сложность дела; 2) действия заявителя; 3) действия компетентных национальных властей; 4) то, что для заявителя является важным в деле, или, формулируя иначе, степень риска для заявителя (см., например, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу Кудла против Польши, жалоба № 30210/96, § 124; решение Бухольц против Германии от 6 мая 1981 года, § 49).

Кроме того, Европейский Суд исходит из того, что «если лицо находится под стражей в ожидании рассмотрения выдвинутого против него обвинения, факт его содержания под стражей является фактором, который следует рассматривать при оценке того, было ли соблюдено требование о вынесении решения по существу в разумный срок» (см. постановление по делу Абдоелла против Нидерландов от 25 ноября 1992 года, § 24). Однако если заявитель скрывается от органов следствия или суда, то такие периоды времени должны быть исключены из общей продолжительности разбирательства по делу (см. решения по делу Джиролами против Италии от 19 февраля 1991 года, § 13 и по делу Смирновы против Российской Федерации от 24 июля 2003 года, § 81).

Следует особо отметить, что из практики Европейского Суда совершенно очевидно следует, что им не принимаются во внимание такие объективные трудности следственных и судебных органов, как большая нагрузка, нехватка кадров, отсутствие или недостаточность финансирования и тому подобные обстоятельства, несмотря на заявления Суда, что он готов учитывать особенности политической и социальной ситуации в том или ином государстве (см. решения по делу Милази против Италии от 25 июня 1987 года, § 19 и Юнион Алиментариа Сандерс СА против Испании от 7 июля 1989 года, § 38). Наоборот, Суд постоянно подчеркивает, что он ожидает от правительства государства — ответчика принятия скорейших мер для надлежащего исправления ситуации.

При оценке степени сложности дела Европейский Суд признает важными все его аспекты. Сложность может быть связана как с вопросами факта, так и с правовыми аспектами. Суд придает большое значение сле-

дующим факторам: характеру фактов, которые необходимо установить (см. решение по делу Триджиани против Италии от 19 февраля 1991 года, § 17); количеству обвиняемых и свидетелей (см. решения по делу Ангелуччи против Италии от 19 февраля 1991 года, § 15 и по делу Андреуччи против Италии от 27 февраля 1992 года, § 17); международным факторам (см. решение по делу Манцони против Италии от 19 февраля 1991 года, § 18); присоединению одного дела к другим делам (см. решение по делу Диана против Италии от 27 февраля 1992 года § 17); а также вступлению в процесс новых лиц (см. решение по делу Маньери против Италии от 27 февраля 1992 года, § 18).

Существенная сложность дела в некоторых случаях может расцениваться Европейским Судом как оправдание слишком продолжительного разбирательства. Так, по одному из дел Суд не признал чрезмерно долгим срок продолжительностью более 6 лет, указав, что дело касалось весьма сложного расследования убийства, связанного с еще двумя уголовными делами (см. решение по делу Бодаерт против Бельгии от 12 октября 1992 года). Однако даже по очень сложным делам Суд может признать неоправданным длительный срок разбирательства по делу (см. решение по делу Феррантелли и Сантанжело против Италии от 7 августа 1996 года).

Правовые позиции Европейского Суда применительно к такому критерию, как сложность дела, были им применены и развиты в целом ряде решений, вынесенных против Российской Федерации.

Так, в решении по делу Калашников против Российской Федерации⁶ от 15 июля 2002 года, которое уже приобрело статус классического (универсального) прецедента Суда, Европейский Суд частично согласился с доводами властей Российской Федерации, что длительный срок рассмотрения данного дела (более 5 лет) вызван особой сложностью и объемом дела, а также необходимостью проведения всестороннего и полного расследования дела. В этой связи Европейский Суд отметил, что исследуемое уголовное дело, по которому заявитель был единственным обвиняемым, касалось финансовых преступлений; в деле фигурировало значительное число доказательств, и проходил ряд свидетелей. И, тем не менее, Суд положил в основу своего решения вывод национального суда (Магаданского областного суда), что дело не представляло особой сложности, чтобы этим можно было оправдать проволочки в его производстве (§ 128).

В решении по делу Смирновы против Российской Федерации⁷ от 24 июля 2003 года Европейский Суд указал: «Что касается сложности дела, Европейский Суд согласился с заявителями, что выдвинутые против них

обвинения не были особенно сложными. Расследование преступления, вмененного заявителем — мошенничество с кредитами и незаконное завладение чужой собственностью, — при проведении его самым тщательным образом не должно было занимать годы» (§ 85).

Точно так же суд не признал в своем решении особенной сложности по делу Кляхин против Российской Федерации⁸ от 30 ноября 2004 года, указав, что «данное дело касалось одного эпизода предпринятого грабежа и имело небольшое количество жертв и свидетелей». Тем не менее, общая продолжительность рассмотрения дела с учетом отмены приговора в надзорном порядке составила более 3 лет.

Относительно такого критерия, как поведение заявителей, Европейский Суд признает, что если задержка происходит по вине заявителя, то это, несомненно, является фактором, ослабляющим эффективность его жалобы. Тем не менее, позиция Суда заключается в том, что нельзя упрекать заявителя, если он полностью использовал средства защиты, предоставляемые внутренним законодательством.

Также принципиальная позиция Суда состоит в том, что нельзя требовать от заявителя активного сотрудничества с судебными властями, которое может привести к его осуждению (см., например, решения по делу Экле против Германии от 15 июля 1982 года, § 82 и по делу Доббертен против Франции от 25 февраля 1993 года, § 43). В том случае, если заявитель старается ускорить процесс разбирательства, это будет рассматриваться в качестве обстоятельства в его пользу, но нежелание с его стороны ускорять процесс не имеет какого-либо решающего значения (см. решение по делу Четерони против Италии от 15 ноября 1996 года). В соответствии с требованиями, выработанными конвенциональным прецедентным правом, заявитель должен лишь показать поведение, «демонстрирующее усердие при проведении процессуальных действий в его отношении, стремление избежать использования тактики затягивания и воспользоваться всем объемом средств, предоставляемых национальным правом для ускорения разбирательства» (см. постановление по делу Юнион Алиментариа Сандерс СА против Испании от 7 июля 1989 года, § 35).

Так, по упоминаемому выше делу Калашников против Российской Федерации Европейский Суд указал, что в ходе производства по делу заявителем заявлялись многочисленные ходатайства как во время судебного разбирательства, так и в промежутке между слушаниями дела. Между тем Суд отметил, что большинство таких ходатайств заявлялись как раз в связи с затягиванием судом первой инстанции рассмотрения дела. Поэтому Европейский Суд признал, что он не может сделать вы-

вод, что эти ходатайства способствовали замедлению производства по делу. Более того, Суд особо подчеркнул свою озабоченность тем обстоятельством, что по этим ходатайствам компетентными органами никаких действий не предпринималось, многие из них даже не рассматривались. Исходя из этого, Европейский Суд признал, что хотя заявитель и ответственен за некоторые проволочки в производстве по делу, в целом его действия не способствовали существенным образом затягиванию производства (§ 129, 130).

Иная оценка действиям заявителей в рассматриваемом аспекте была дана Судом в деле Смирновы против Российской Федерации. По данному делу обе заявительницы достаточно продолжительное время (более двух лет) скрывались от суда. Кроме того, ими подавались многочисленные жалобы (более ста), которые власти Российской Федерации в ходе рассмотрения дела в Европейском Суде оценивали как необоснованные, но требующие время суда для ответов на них. Заявители неоднократно просили предоставить им дополнительное время для изучения материалов дела. Тем не менее, заявители указывали, что они прикладывали все усилия, чтобы ускорить разбирательство по делу. Европейский суд в этой связи пришел к выводу, что он не убежден, что заявители всегда выражали готовность предстать перед правосудием. И далее, что интересно, Суд признал, что подача десятков жалоб — даже обоснованных — может без необходимости отвлекать власти от того, чтобы сосредоточиться на основных вопросах дела.

При определении того, была ли соблюдена гарантия «разумного срока» разбирательства по делу, важнейшее значение для оценки Европейского Суда (несомненно, куда более существенное, чем все остальные критерии) имеет факт затягивания разбирательства дела со стороны компетентных органов государства.

При этом практика Европейского Суда исходит из того, что государство — ответчик в целом несет полную ответственность за отсрочки, связанные с действиями административных или судебных властей.

При рассмотрении дел, касающихся продолжительности судебного разбирательства, Суд обратил внимание на принцип надлежащего отправления правосудия, а именно, на возлагаемую на национальные суды обязанность должным образом рассматривать имеющиеся в их производстве дела (см. решение по делу Бодаерт против Бельгии от 12 октября 1992 года, § 39). Отсрочки рассмотрения дела, вызванные существенными для данного дела обстоятельствами, в разумных пределах могут рассматриваться прецедентной практикой Европейского Суда в качестве оправданных. Так, по целому ряду дел соединение нескольких дел

в одно производство, объективно затянувшее их разбирательство, не было признано Судом произвольным или необоснованным, или ставшим причиной неоправданной задержки, с учетом надлежащего отправления правосудия. При этом Суд указывает, что усилия судебных властей, направленные на максимальное ускорение разбирательства, играют определяющую роль в обеспечении соблюдения в отношении заявителей гарантий, заложенных в ст. 6 Европейской Конвенции (см. решение по делу Вернилло против Франции от 20 февраля 1991 года, § 38).

По некоторым конкретным делам Европейский Суд признавал неоправданными следующие отсрочки, допущенные по вине государства: отсрочки, связанные с передачей дел из одного суда в другой; случаи, в которых в ходе одного разбирательства одновременно рассматриваются дела в отношении двух или более обвиняемых; задержки, связанные с доведением решения суда до сведения обвиняемого, а также с подготовкой и рассмотрением апелляций (см., например, решения по делам Циммерман и Штайнер против Швейцарии от 13 июля 1983 года, Гинчо против Португалии от 10 июля 1984 года).

Применительно к делам против Российской Федерации кажется очевидным, что именно данный критерий в конечном счете является для Европейского Суда определяющим при констатации им факта нарушения требования о разумности продолжительности производства по делу.

Так, в решении по делу Калашников против Российской Федерации Суд с нескрываемым удивлением констатировал тот факт, что дело почти два года оставалось фактически без движения (§ 131). Далее Суд, следуя давно устоявшейся конвенциональной практике, указывает, что поскольку на протяжении всего производства по делу заявитель содержался под стражей, это обязывало суды, занимавшиеся делом, приложить особые усилия к тому, чтобы правосудие отправлялось быстро (§ 132).

Еще большее удивление нерасторопностью следственных и судебных органов содержится в решении Суда по делу Смирновы против Российской Федерации. Суд прямо указывает, что имели место продолжительные периоды бездеятельности с их стороны, не имеющие достаточных оснований. В обоснование такого вывода Суд ссылается на следующие обстоятельства: первое слушание по делу в суде было назначено через год после того, как было завершено расследование; второе — через два года после первого; окончательное же слушание состоялось лишь почти через три года после второго (§ 87). При этом Европейский Суд не воспринял доводы властей Российской Федерации, что такие задержки были вызваны, помимо прочего, уважительными причинами, как, например, рас-

смотрением жалобы заявителей в Конституционном Суде РФ, указав, что хотя решение Конституционного Суда и исправило ситуацию в отношении незаконно выдвинутого обвинения против одного из заявителей, тем не менее, такое рассмотрение само по себе стало причиной существенных задержек в рассмотрении дела.

Последним критерием разумности продолжительности разбирательства по делу, исходя из прецедентной практики Европейского Суда, выступает так называемая степень риска для заявителя, или, как зачастую выражается Суд, «что для него поставлено на карту». Исходная позиция Суда при этом состоит в том, что ожидается, что уголовные разбирательства будут, как правило, проводиться более ускоренно, чем гражданские, особенно если обвиняемый находится в условиях предварительного заключения (см, например, решение по делу Абдоелла против Нидерландов от 25 ноября 1992 года, § 24).

Применительно к Российской Федерации данный критерий особенно рельефно был применен Европейским Судом в деле Смирновых. Как указано в постановлении Суда, «для заявителей многое стояло на кону. Во время расследования они провели значительный период времени в тюрьме. Они рисковали потерять свою собственность в случае неблагоприятного решения суда. Заявители не могли найти хорошей работы ввиду постоянных арестов и того, что никто не хотел принимать на работу лиц, находящихся под следствием. Им пришлось прекратить обучение в университете, был причинен вред их профессиональной карьере. Уголовное обвинение и содержание под стражей повлияло на их частную жизнь, здоровье и репутацию» (§ 76).

В заключение хотелось бы обратить внимание, что несмотря на неутешительные пока результаты рассмотрения Европейским Судом дел против Российской Федерации, связанных с нарушениями п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции, в том числе в части разумности срока разбирательства по делу, в последние годы как властями, так и судебными органами многое делается по исправлению сложившегося положения. Так, например, значительно увеличен кадровый состав судов общей юрисдикции, тем самым существенно снижена нагрузка на судей, что должно позволить им более качественно и быстро рассматривать находящиеся в их производстве дела. Целый ряд решений Конституционного Суда РФ прямо основывается на правовых позициях, выработанных Европейским Судом по правам человека в рассматриваемой части⁹. Пленум Верховного Суда РФ неоднократно анализировал положение дел со сроками рассмотрения дел в судах и принимал по этому вопросу соответствующие постановления¹⁰. Более того, Пленум Верховного Суда РФ 10 ок-

тября 2003 года принял отдельное постановление «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»¹¹, где в п. 12 разъяснил судам правовые позиции Европейского Суда, вырабатанные им применительно к требованию ст. 6 Европейской Конвенции о разумности срока судебного разбирательства.

Все сказанное дает основания надеяться на реальное изменение ключевой ситуации со сроками рассмотрения уголовных дел и приведению ее в соответствие со стандартами Европейского Суда по правам человека.

Примечания

¹ Далее по тексту — Европейская Конвенция.

² См.: Лаптев, П. Прецеденты Европейского Суда по правам человека и российская судебная практика / П. Лаптев // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. — 2002. — № 1. — С. 46.

³ См.: Верховный Суд РФ. Постановления. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 года «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (п. 10) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2003. — № 12. — С. 3–8.

⁴ См.: Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. — М.: Юридическая литература, 1990. — С. 14–20.

⁵ См.: Международный Пакт о гражданских и политических правах. Принят Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 16 декабря 1966 года // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. — М.: Юридическая литература, 1990. — С. 53–57.

⁶ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека (третья секция) по делу «Калашников (Kalashnikov) против Российской Федерации» от 15 июля 2002 года, жалоба № 47095/99 // Европейский Суд по правам человека и Российская Федерация / отв. ред. Ю.Ю. Берестнев. — М.: Норма, 2005. — С. 8–39.

⁷ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека (третья секция) по делу «Смирновы (Smirnova) против Российской Федерации» от 24 июля 2003 года, жалоба № 46133/99 // Европейский Суд по правам человека и Российская Федерация / отв. ред. Ю.Ю. Берестнев. — М.: Норма, 2005. — С. 77–95.

⁸ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Кляхин (Klyakhin) против Российской Федерации» от 30 ноября 2004 года, жалоба № 46082/99 // Косцов, А. Европейский Суд по правам человека / А. Косцов. — М.: Мартин, 2005. — С. 478–485.

⁹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ № 18-П от

8.12.2003 г. «О проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2004. — № 1.

¹⁰ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 24 августа 1993 г. «О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ. 1961 — 1993 годы. — М.: Юрид. литература, 1994; Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 4 от 25 июня 1996 г. «О выполнении судами Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 августа 1993 г. № 7 «О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1998. — № 8; Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 79 от 18 ноября 1999 г. «О ходе выполнения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 августа 1993 г. № 7 «О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2000. — № 1.

¹¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2003. — № 12. — С. 3—8.

*А.С. Таран **

ЗАЩИТА ПО НАЗНАЧЕНИЮ: КВАЛИФИЦИРОВАННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ИЛИ БЕСПЛАТНЫЙ СЫР?

Российское уголовно-процессуальное законодательство традиционно гарантирует каждому подозреваемому (обвиняемому) право воспользоваться помощью профессионального защитника (адвоката) бесплатно, рассматривая это нормативное предписание как составную часть принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ч. 4 ст. 16 УПК РФ).

Глубокая гуманистическая направленность этой нормы, реализация в ней требований международно-правовых норм в области прав человека очевидны¹.

* © Таран А.С., 2007

Таран Антонина Сергеевна — канд. юрид. наук, доцент, Самарский государственный университет